

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПО ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТОВ, СВЯЗАННЫЕ С ОХРАНИТЕЛЬНОЙ МАГИЕЙ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ТУВИНЦЕВ

Семья и семейное благополучие всегда играла важную роль в жизни тувинца. По данной теме написано много работ. Целью данной статьи является анализ научных работ, посвященных семье и семейному благополучию у тувинцев.

Наиболее ранние сообщения о тувинских культах содержатся в отчетах русских исследователей Г.Е. Грумм-Гржимайло и Ф.Я. Кона, совершивших поездку в Урянхайский край. В своих отчетах они ограничились лишь краткими замечаниями о верованиях тувинцев. Так, Г.Е. Грумм-Гржимайло отметил, что ламаизм не вытеснил шаманизма из сознания и религиозной практики верующих тувинцев [7].

Ф.Я. Кон привел отдельные записи о тувинских анимистических представлениях и о становлении шаманов [18]. Материалы о верованиях, тувинцев собирал и хакасский ученый Н.Ф. Катанов. По объему и содержанию они уступают данным, зафиксированным им среди этнических групп хакасов. В фольклорно-этнографических публикациях Н.Ф. Катанова имеются сведения о тувинских космогонических и анимистических воззрениях и заклинание, с которым шаман обращался к бубну [16].

Углубленное исследование о тувинских культах входило в круг научных интересов Л.П. Потапова, В.П. Дьяконовой и С.И. Вайнштейна.

Л.П. Потапов руководил Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР, работавшей в 1957-1966 гг. и раскрывшей ранее неведомые страницы истории Тувы. Лично Л.П. Потапов написал очерки этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя, а также бассейна левобережья Хемчика [24]. В них он кратко касался и вопросов традиционных обрядов и поверий. Впоследствии Л.П. Потапов опубликовал историко-этнографический труд, освещающий важнейшие аспекты дореволюционного быта тувинцев [25].

Религиозным тувинским верованиям посвящен большой отдельный очерк, где В. П. Дьяконова - автор разделов «Шаманский погребальный обряд» и «Ламаистский погребальный обряд» [19; С.223-238], а Л.П. Потапову принадлежат разделы «Шаманизм» и «Древние культы». Последний, ставил перед собой задачу лишь «частично обобщить некоторые материалы по шаманству». Поэтому он подробно изучил только становление шаманов по воззрениям юго-восточных тувинцев, проанализировал данные о шаманском бубне и плаще западных тувинцев, описал моление горам с посвящением им домашних животных. Особое внимание автор уделил выяснению генезиса представлений о бубне [19; С.347-358].

Изучение тувинских культов входит в круг проблем, исследуемых С.И. Вайнштейном. В 1961 г. вышел его научный труд «Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки». В ней по материалам полевых наблюдений подробно освещен шаманизм тоджинцев - этнической группы восточных тувинцев, основными занятиями которых были оленеводство и охота [4]. По данным, собранным в Туве во время экспедиций в 1950-1963 гг., он разделил тувинский шаманизм на два типа: восточно-тувинский-таежный и центрально-западно-тувинский-степной. При их характеристике было обращено внимание на описание атрибутов шаманов. В докладе рассмотрен вопрос о связях шаманизма тувинцев и других сибирских народов. В заключение докладчик проанализировал вопросы происхождения этой формы религии у тувинцев и поддержал высказывание С. П. Толстова об относительно позднем формировании развитого шаманизма у аборигенов Сибири [5].

Оригинальные работы по изучению тувинских верований посвятила В.П. Дьяконова. Ей принадлежит монография о погребальном культе тувинцев, где исследована возможность использования материалов о тувинском погребальном обряде как историко-этнографического источника [9].

В работе показано участие шаманов в погребально-поминальных обрядах тувинцев, освещена специфика их представлений о так называемой «душе» и описано захоронение шаманов. Кроме того, автор провела сравнительный анализ этнографических данных по тувинскому погребальному культу и данных археологии Южной Сибири и описаний похорон, поминок и поверий о потустороннем мире у сибирских тюркоязычных народов, имеющих в литературе.

В.П. Дьяконова опубликовала три статьи в сборниках, составленных И.С. Вдовиным. Одна из них посвящена характеристике религиозных представлений тувинцев о природе и человеке. В ней

частично обобщены шаманистские воззрения о смерти, мире мертвых ит.п. [10].

В статье «Религиозные культы тувинцев» автор показала «синкретизм религиозных различных верований и представлений, обилие различных культов» у тувинцев и роль шаманов в проведении дошаманских обрядов [11].

В третьей - «Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе» показано, что вплоть до 30х годов XX в. в Туве действовало значительное количество лам и шаманов. Причем «в отдельных хошунах шаманов было даже более, чем лам» [12]. Здесь же приведены сведения о вере в наследственность шаманского дара, сделано описание «шаманской» болезни и обрядов посвящения в шаманы, представлений тувинцев о духах-помощниках шаманов, а также поверий о получении шаманом зеркала (подвески на шаманском костюме) и использовании его в религиозной практике. В конце статьи охарактеризованы отдельные категории тувинских шаманов, изложен краткий сюжет камлания к Эрлику - главному божеству нижнего мира.

В.П. Дьяконова продолжила комплексное историко-этнографическое изучение атрибутов шаманов, имеющих в коллекциях МАЭ АН СССР по культуре народов Сибири, начатое Е.Д. Прокофьевой. Как отмечалось выше, последняя написала обобщающие очерки о бубнах и костюмах народов Сибири, включая и тувинцев [27].

Объектом исследования В.П. Дьяконовой стали различные виды изображений духов-помощников тувинских шаманов; атрибуты шаманства, использовавшиеся при камлании у шаманского дерева; ритуальные сооружения, устанавливавшиеся при камланиях над больными; элементы шаманского костюма, имеющие лечебные функции, и шаманские посохи .

Автор статьи сосредоточила основное внимание на характеристике обрядов, совершавшихся при помощи различных предметов и освещении связанных с ними религиозно-мифологических представлений тувинцев. При этом сделана попытка проследить исторические корни тувинских обрядов и религиозных представлений и процесс их эволюции.

Некоторые аспекты относительно «священной стрелы» коснулся Н.И. Веселовский. Он считал, что стрелы средневековых кочевников, имевшие символическое значение, разделялись на властные и курьерские [6; С.288].

Первые символизировали полномочия, вручаемые верховным властителем своим заместителям и вассалам, вторые - полномочия, которыми наделялись посланники, выполнявшие дипломатические поручения кочевого владыки. «Отсюда, кажется, понятно, - писал Н.И. Веселовский, - почему изображение стрелы могло появиться на пай-цзы, которые, по-видимому, уже при Гиньской династии стали выполнять функции, принадлежавшие прежде стрелам» [23].

Он полагал, что у кочевников стрелы служили верительными знаками дипломатов до того, как в начале XII в. на Дальнем Востоке воцарилась чжурчженская династия Цзинь. Н.И. Веселовский отрицал наличие у разных народов представлений об «одушевленных» стрелах. Он утверждал: «Стрела, как острый колющий предмет, подобно иглке, ножу, топору, сабле, мечу, копьюту, а также колющему растению, наводит страх на злого духа. В этом единственно и заключается свойство стрелы и ее значение в обрядах, ничего другого в ней нет, ни человеческой души, ни плодородия, ни тем более любви, один только страх» [6; С. 161].

Использование стрелы в обрядах Н.И. Веселовский связывал с охранительной функцией, отверстиям в некоторых наконечниках стрел он не придавал какой-либо символической функции. Отрицая предположение, что эти отверстия могли служить для пропитывания стрелы ядом, ученый высказался и в пользу мнения, что такие отверстия могли вызывать при полете свист [1].

Это предположение было связано с сигнальным назначением некоторых стрел. Оно основывалось на сведениях китайских источников о хуннах: в них изобретение стрелы-свистунки приписано шаньюю Модэ [2; С.192-194]. Однако, как было установлено В.Г. Карцевым в ходе экспериментов, проведенных в 1920-х годах, стрелы с отверстиями в лопастях не издают свиста в полете.

Представление о свистящей, сигнальной или морально подавляющей противника функции стрел закрепилось в историко-археологической литературе за теми наконечниками, которые были снабжены костяными шариками с отверстиями. Такие стрелы, появившиеся у кочевников в хуннское время [2; С.193], продолжали использоваться номадами вплоть до этнографической современности. Однако, некоторые костяные шарики на древках стрел не имели отверстий и не могли издавать свиста в полете; они служили муфтами, соединявшими торцевую часть древка с черешком наконечника.

Как было отмечено Е.В. Черненко, отверстия в скифских бронзовых стрелах (которые по предположению Н.И. Веселовского предназначались для свиста) возникают при недостаточно точной центровке стержня, вставляемого в литейную форму для образования втулки.

На современном этапе исследователями обращено особое внимание на символическое значение стрел. Важным источником для изучения данной темы служат материалы фольклора тюркских и монгольских народов.

Сведения о луках и стрелах в произведениях хакасского фольклора были проанализированы В.Я. Бутанаевым. Им отмечены различные формы, названия и назначение стрел, выделены мифические «глазастые» и «волшебные» стрелы, способные не только поражать врагов, но и исцелять воинов от ран [2; С.193].

Бурятские стрелы, известные по этнографическим и фольклорным материалам, охарактеризованы В. А. Михайловым [21].

Все исследователи при анализе фольклорных сведений сопоставляют их с археологическими находками.

В обобщающей работе Р.С. Липец подчеркнуто, что в эпических повествованиях для описания оружия богатырей, в том числе луков и стрел, характерна гиперболизация их реальных форм, размеров и функциональных свойств [20]. Отмечено также, что помимо своего основного назначения, стрелы в эпосе иногда предстают в качестве послания или средства доставки письма адресату.

В тувиноведении по данной теме написаны работы В.К. Даржа [8] и М.Б. Кенин-Лопсана [17]. Также для перевода и некоторых тувинских слов на русский язык и их корректировки был использован словарь [22].

Для изучения культа почитания богини Умай у алтайцев, хакасов и других народов Саяно-Алтая были использованы письменные материалы Л.П. Потапова [26], Н.П. Дырнковой [15], В.П. Дьяконовой [14], В.Я. Бутанаева [3].

Анализ изучения этнографических материалов выявило несколько выводов о роли культа «священной стрелы» в традиционной культуре и в мировоззрении тувинцев, алтайцев, хакасов и других народов Саяно-Алтая. Культ «священной стрелы» в мировоззрении тувинцев играет особенную роль в отличие от их хакасов и алтайцев, где этот культ является частью культа почитания богини Умай - покровительницы детей.

Для тувинцев полет в стрелы в первую очередь символизирует с собой жизненный путь или судьбу человека, выступая тем самым мировоззрением фатализма - сложного религиозно-философского взгляда на жизнь. Это указывает на сложность философского восприятия наших предков на мир и на их сложную духовную культуру. Также этот культ был тесно связан со многими другими культами: Солнца, Неба, Земли и Оваа (символ рода), что свидетельствует о важной роли культа «священной стрелы» у тувинцев в прошлом.

У тувинцев, как и у других народов, несмотря на отсутствие культа почитания богини Умай, культ «священной стрелы» играл ключевую роль в, так называемой, семейно-охранительной магии - совокупности предметов или действий, направленных на защиту благополучия детей или других членов семьи, чаще всего представляющих собой своеобразные обереги и амулеты.

«Священная стрела» являлась одним из основных хранителей семейного благополучия у тувинцев в прошлом. Данный факт связан с тем, что в настоящее время, часть обряда дой, связанный с ритуалом «оживления» культа «священной стрелы» постепенно начал забываться и уходить из практики. Поэтому очень важно сохранить утрачиваемые элементы традиционной культуры наших предков, в том и числе и культ «священной стрелы». Фактически, можно сказать, что данный культ отражает сложность и необычность мировоззрения тувинцев.

Для других народов, населяющих Саяно-Алтай, в частности, хакасов и алтайцев, культ «священной стрелы» был частью общего культа почитания богини Умай. Свои корни этот культ берет еще с древнетюркских времен и в настоящее время был широко распространен среди многих народов Сибири и Средней Азии. Стрелы выступали в качестве основных культовых орудий в руках богини Умай, с помощью которых она изгоняла злых духов и оберегала ребенка от болезней, выступая тем самым хранителем семейного благополучия.

Как было указано в начале второй главы, стрелы играли важную роль в шаманской обрядовой практике народов Саяно-Алтая. Связано это тем, что традиционное шаманское камлание с бубном на самом деле олицетворяет использование шаманом лука, как культового орудия, способного устроить контакт с миром духов. Несомненно, до появления бубна именно стрела, как и лук, играли роль главного ритуального и культового предмета.

Более ярким доказательством в пользу положения о стреле, как о распространенном оружии культового действия является та тесная связь современных шаманов со стрелой, которая выражается в отождествлении магической силы шамана со стрелой.

В праздничном ритуале, связанном с защитой и обереганием ребенка, своеобразном аналоге нашего обряда дой, стрела также играет важную роль, выступая как оберег, т.е. хранителя семейного благополучия. Это означает, что культ «священной стрелы» для них тоже была частью системы семейно-охранительной магии. Также схожесть с тувинским культом «священной стрелы» можно обнаружить в объектах самого ритуала - ребенка мужского пола, для которого стрела и была оберегом

Сам культ богини Умай - сложный религиозный комплекс, древний и весьма тесно связанный с мировоззрением и духовной культуры тех народов. Связанный с ней культ «священной стрелы», уходит корнями еще во времена эпохи материнского рода, т.е. матриархата, учитывая то, что стрела, как мужское оружие, не могло быть связано с женщинами.

Таким образом, культ «священной стрелы», как у тувинцев, так и у народов Саяно-Алтая является сложным религиозно-мировоззренческим комплексом, связанный как со сложной системой семейно-охранительной магии, так и взглядом этих народов на окружающий мир. Наглядные примеры, сопоставление жизненного пути или судьбы человека с полетом стрелы у тувинцев, и древние матриархальные корни в использовании стрел как культовых орудий у шаманов в Алтае и Хакасии.

Литература

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.; Л., 1950. С.46.
2. Бутанаев, В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 192-194.
3. Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 93-105
4. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: 1961. С. 171-192.
5. Вайнштейн С.И. Тувинское шаманство// Материалы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 11-12.
6. Веселовский Н.И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Зап. Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXV. Вып. 1-4. Пг., 1921. С. 288.
7. Грумм-Гржимайло. Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. С. 133.
8. Даржа В. К. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл, 2007. 256 с.
9. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.
10. Дьяконова В.П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая//Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984.
11. Дьяконова В.П. Религиозные культы тувинцев//Сборник МАЭ. Л., 1977. Т. 33.
12. Дьяконова В.П. Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 124-164.
13. Дьяконова В.П. Роль традиционных народных знаний в животноводстве Тувы и Алтая // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986.
14. Дьяконова В.П. Семейно-родовые охранители у теленгитов //Языки и топонимия. Томск:, 1976. С. 143-147.
15. Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен //Культура и письменность Востока - Баку: 1928. Кн. II. С. 134-139.
16. Катанов Н.Ф. Образцы народной литературы тюркских племен. Т. 9. Абакан, 1907. С. 15-16, 31, 47, 82.
17. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев . Кызыл, 2006. 232 с; Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманизма. Новосибирск, 1987. 216 с.
18. Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию за пятьдесят лет. М., 1934. С.22-24.
19. Культура и быт. // История Тувы. Т.1. М., 1964. С.223-238 (соавтор В. П. Дьяконова)
20. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 65,69-77.
21. Михайлов В.А. Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ, 1993. С. 16-25.
22. Тувинско-русский словарь. М., 1968. 356 с.
23. Пай-цзы - табличка (на дереве или другом материале), служившая пропуском.
24. Потапов Л.П. Народы Южной Сибири. Новосибирск, Новосиб. кн. изд., 1953.
25. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969.
26. Потапов Л. П. Умай - божество древних тюрков в свете этнографических данных //Тюркологический сборник, 1972. М.: Наука, 1973. С. 265-286.
27. Прокофьева Е. Д. Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской автономной области//Краткое сообщение Института этнографии АН СССР. М., 1955. Вып. 23. С. 3.

М. Алтансүвд
(Ховд, Монгол)